

Новые Известия - 2001 -
- 2 марта - с. 6.

Юрий Коваленко, «Новые Известия», из Парижа

Парижский одессит Маноло Нуньес

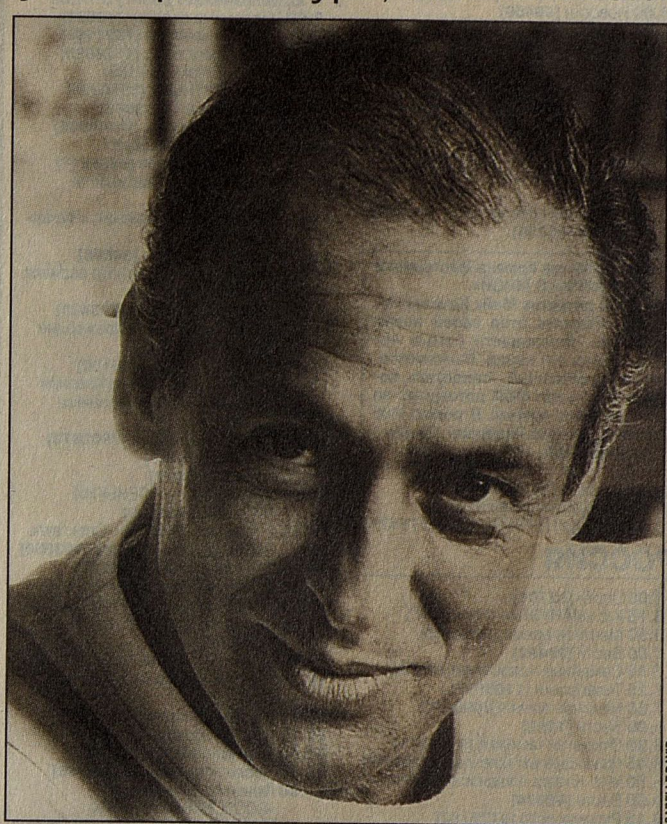
«Единственное, что меня интересует в архитектуре, это человек»

Одессу строил парижанин Ришелье, а одессит Яновский строил Париж или по крайней мере сооружал в нем некоторые примечательные здания. Конечно, вклад французского герцога несравненно более велик и значителен, чем нашего бывшего соотечественника в определении лица великого города. Однако не менее удивителен тот факт, что выпускник Одесского строительного техникума, распрощавшийся с Дерибасовской четыре десятилетия назад, сегодня один из видных европейских архитекторов, который возводит дома во всех концах Старого континента.

58-летний испанско-российский космополит Маноло Нуньес-Яновский с ностальгической нежностью вспоминает Одессу, ее салон — Дерибасовскую, Французский и Приморский бульвары, которые открывали безграничные возможности для детского воображения. Собственно говоря, его нельзя считать коренным одесситом. Сын испанского морского офицера, уехавшего в конце 30-х годов в Россию, где он женился на

до Парижа. Там я явился в советское консульство и сказал, что хочу вернуться домой к бабушке. Через две недели, в течение которых я ночевал вместе с клошарами под парижскими мостами, консул объявил мне, что бабушка отказывается меня принять. Пришлось несолоно хлебавши возвращаться в Испанию, где за побег меня посадили на пару месяцев за решетку».

Отец хотел, чтобы Маноло стал инженером, но упрямый отрок поступил в театральную школу на режиссерское отделение, затем, идя по родительским стопам, вступил и в испанскую коммунистическую партию, которую покинул после краха франкизма. Через несколько лет состоялась его судьбоносная встреча со знаменитым архитектором Рикардо Бофилем. Целых 17 лет они работали вместе в одной мастерской. В конце 70-х они расстались, и Маноло перебрался в Париж, где создал собственную мастерскую. Перед собой он поставил задачу понять архитектуру Франции через ее литературу, поэзию и философию.

Маноло Нуньес.

из современных зодчих он отдает пальму первенства американцу Фрэнку Лойду Райту, который, в частности, выстроил нью-йоркский Музей Гуттенхайма, и россиянину Константину Мельникову, который разрабатывал новые типы и формы общественных зданий, применял новые конструкции. Сегодня свои условия архитектуру диктует рынок, отмечает Нуньес. Если раньше я стремился к тому, чтобы создать неповторимый стиль, то теперь понял, что каждый проект должен иметь свой собственный стиль. За заказом всегда стоит клиент, которому нужно дать то, что он хочет. Готику? Пожалуй! Кто платит, тот и заказывает музыку, в том числе и архитектурную. Скажем, если Моцарту заказывали менюэт, то не сочинял же он реквием. В оформлении своих зданий Маноло часто использует скульптуру — то целых 18 Венер Милосских, то рабы Микеланджело в здании полицейского управления 12-го парижского округа... В прошлом архитектор должен был быть не только архитектором, но и живописцем, скульптором, витражных дел мастером, говорит Маноло, к сожалению, наше поколение многого не умеет. Поэтому оно и набросилось с таким азартом на стекло и металл, на весь хай-тек, который дает «префабрикаты». Рационализм изгнал искусство из архитектуры. Преемники Корбюзье дали нам бетонные коробки, а послевоенные архитекторы не поняли роли общественного

но небо. Мне хотелось дать детям сказочный мир, напоминающий им реальность». Маноло, который был и режиссером, и актером, говорит, что сейчас единственное, что его интересует в архитектуре, — это человек. Куда бы он ни приезжал, первым делом идет в храм и на базар, где, по его убеждению, лучше всего можно познать душу города. На Западе парит культ индивидуальности и самоответственности, а Россия всегда раньше болела «общей идеей».

Нуньес всегда любил Москву, которая «весной напоминала ему Севилью в пору цветения цитрусовых». И его гипнотизировали ножки столичных прелестниц. С наступлением перестройки Маноло стал частым гостем на своей исторической родине и даже попал в середине 80-х на московский форум «Деятели культуры за безъядерный мир». В нашей стране его, воспитанного на русской культуре, больше всего поражает политическое невежество. После Сталина русскими правили и продолжают править, по его словам, не политики, а обыкновенные аппаратчики. Хотелось, чтобы в России появился свой Бонапарт, но этого не произошло. Одно время он верил в Горбачева, встречался с ним, наивно верил, что Михаил Сергеевич сыграет роль Наполеона и выведет Советский Союз на передовые рубежи, позаимствовав у капитализма его динамизм. В Москве Нуньес предлагал свои проекты

«Рационализм изгнал искусство из архитектуры».

русской, Маноло волею судеб появился на свет в Самарканде, но рос и учился в Одессе. Тем временем отец его, который воевал против Франко, а затем служил в Красной армии, после войны был арестован и провел 7 лет в лагерях в Воркуте. После его освобождения семья решила отправиться в Испанию. «В Самарканде мы жили в колонии испанских республиканцев, — рассказывает мне Маноло, — и меня воспитали испанцем, хотя мама и заставляла читать «Дон Кихота» на русском. Однако жизнь моя в Испании не складывалась. Из страны, победившей Гитлера и строившей социализм, я попал в фашистское государство. Три года я безуспешно пытался интегрироваться в новую и непонятную для меня жизнь. У меня возникали жуткие конфликты с отцом. И тогда я принялся мечтать об Одессе, где собирался сделать театр с моим другом Володи Пахомовым. Он был сыном мэра, а я — врага народа, но мы страшно дружили (сегодня народный артист России и дважды лауреат Государственной премии Пахомов возглавляет Липецкий драматический театр. — Ю.К.). И вот в 18 лет я ушел из дома, пешком перешел через Пиренеи, а затем автостопом добрался

Первый крупный успех пришел к нему, когда Нуньес выиграл конкурс на застройку площади Пабло Пикассо в столичном пригороде Нуази-ле-Гран. Там он воздвиг один из самых оригинальных домов в нынешней Франции, окрещенный местными жителями «Камамбером». В общей сложности по проектам Нуньеса-Яновского возведены более 50 зданий во Франции, Испании, Германии, Бельгии, Голландии, Аргентине и даже в Конго и на Кубе. Это лишь ничтожная часть из созданных им около 1000 проектов. О нем говорят, что он во многом трактует строительную площадку как сценическую — сказываются его режиссерские корни.

Началом всех зодческих начал Маноло считает Египет и его замечательную культуру, в которой было место каждому живому существу — не только фараонам и простым смертным, но и крокодилам, кошкам, жукам-скарабеем, змеям. Римлян архитектура как таковая не интересовала, полагает Нуньес, ибо они строили не города, а империю с ее дорогами, мостами, акведуками. Человеческая культура до последнего времени была и остается культурой победителя. Победенные исчезали с лица земли или переименовывались победителями. Ну а

Нуньес трактует строительную площадку как сценическую.

заказа. В архитектуре должна быть сказочность, убежден бывший одессит: «Когда я строил школу для умственно отсталых детей, я заранее знал, что это будет все что угодно, но только не унылые больничные корпуса. Построил ее во фламандском стиле — с башенками, внутренними переходами, сквозь стеклянный потолок которых вид-

— они нравились, но уходили в песок. А в послеперестроечный период этот блестящий мастер, готовый потрудиться на благо бывшего Отечества, оказался невостребованным. Только недавно крупнейшая в мире французская строительная группа «Винчи» пригласила его в Казахстан для строительства резиденции президента Назарбаева в новой столице Астане, бывшем Целинограде. «Между нами начинается интересная дружба», — сказал Нуньесу Назарбаев, увидев его проект. Любопытно, что основным его конкурентом на последней стадии тендера является известная фирма «Мабетекс». Кому из них отдал предпочтение президент Казахстана?

Кавалер несчетного числа орденов и наград, архитектор-академик и советник города Авиньона, Маноло отличает бешеный темперамент, который захлестывает его и в работе, и в жизни. «Для разрядки» по Парижу он перемещается на велосипеде. Дом его открыт для старых друзей и случайных знакомых. Человек щедрый, веселый и остроумный, бонвиван, романтик и донжуан, он может часами рассказывать о своих друзьях — от Сальвадора Дали до Сергея Параджанова, которому помогал в Париже. «Я обожаю женщин, трижды был женат, имею четверых детей, а Сергей, как известно, любил мужчин, однако это не помешало нам стать людьми близкими». Но об этом рассказ особый.

Один из самых оригинальных домов в пригороде Парижа.